

31 Августа 2023

Вчера на сайте Алексея Навального и в его ютуб-канале вышло письмо, которое было обращено в некоторой степени ко мне. В первой его части Алексей был недоволен тем, что я и другие публичные спикеры высказали сомнение в авторстве его треда о Михаиле Ходорковском. А во второй он просит спорить с ним и критиковать его, несмотря на то что он находится в тюрьме, и приводит уже только мою цитату на этот счёт.

Мне действительно казалось неуместным дискутировать с человеком, который находится в тюрьме. Но, учитывая прямую просьбу Алексея, сегодня я попробую выступить с критикой его основных политических позиций, действий его и его команды, а также поспорить с ним. Обращаться буду к Алексею лично — так, как будто он действительно включит и посмотрит этот ролик (ну или получит распечатку).

Мы с тобой, Алексей, впервые познакомились в 2011 году, когда я организовал покерное сообщество, чтобы профинансировать проект РосЯма. О нашем знакомстве сохранилось довольно кринжовое видео, которое я недавно нашёл и сделал общедоступным.

В 2012-м мы вместе с тобой заседали в Координационном совете оппозиции, в 2013-м мы единственный раз поработали вместе — на кампании по выборам мэра Москвы, куда ты выдвигался, а я был заместителем начальника штаба. С тех пор пути наших команд разошлись.

Все эти годы я критиковал тебя за две вещи: политическую непоследовательность и разъединяющую риторику. С моей точки зрения, именно эти два пункта не позволили тебе развить успех 2012–2013 годов. Тогда ты воспринимался однозначным лидером оппозиции, которого поддерживали примерно все, а также был по факту вторым человеком в Москве. Но в федеральном политике, слово которого имеет существенный вес в российском обществе, превратится тогда не удалось.

Начнём с политической непоследовательности. Чтобы собрать вокруг себя широкое общественное объединение, политик должен быть предсказуемым. Его риторика основывается на фундаменте ценностей, в которые он верит, преломляется через имеющиеся знания, жизненный опыт и аналитику текущей ситуации и превращается в тактику массовых действий, которые политик вместе со сторонниками предпринимает, чтобы добиться увеличения влияния для себя и

единомышленников. А влияние это использует в конечном итоге для улучшения жизни в своей стране.

Твоя же политическая деятельность такова, что твоим сторонником долгие годы может быть только очень преданный лично тебе человек. Ты берёшь темы, которые сейчас в повестке дня выгодны медийно, и на них пытаешься получить какую-то порцию общественной поддержки. При этом совершенно непонятно, на каком фундаменте ценностей основана твоя политическая позиция и есть ли таковой вообще.

Извини, если это звучит неприятно, но ты сам попросил критику. Когда в моде была борьба с мигрантами в Москве, ты был русским националистом. Когда начался либеральный протест на Болотной, ты стал либералом. Когда соцопросы стали показывать, что россиян больше всего волнуют проблемы ЖКХ — ты стал говорить об этом. Когда на повестку дня встала бедность, ты стал левым и начал требовать установления высокого минимального размера оплаты труда и затронул другую социальную повестку.

Когда был крымский консенсус, ты выступал за то, что отдавать Крым нельзя. Когда началась война, ты стал говорить, что отдать его необходимо.

Я всё это говорил тебе лично, пока мы общались, и писал все эти годы публично — не потому, что я хотел как-то принизить тебя в глазах сторонников. Наоборот, я хотел, чтобы из тебя получился политический лидер, который может объединить россиян, в котором россияне увидят альтернативу Путину. Поэтому и в штабе твоём в 2013 году работал. Но произойти такое может только с человеком, который отстаивает ценности и идеи, которые ему важны. А в твоём случае вообще непонятно, что это, за пределами твоего лозунга «не врать и не воровать», который хорошая моральная основа, но совершенно не катит как ценностный фундамент для политика.

Из отсутствия ценностного фундамента вытекает совершенный расколбас в тактических действиях. Возьмём простой и понятный всем пример — голосование. Это совершенно базовое тактическое действие для политика — призыв, как поступить, когда в 10 минутах от дома избирателя стоит урна, и система спрашивает его, этого гражданина, мнение. Это момент коллективного политического действия, когда голос лидера особенно важен. Давай вспомним, к чему ты призывал.

2011 год — тактика «Голосуй за любую партию, кроме Единой России». Ты

прекрасно объяснял, почему так стоит поступить. Потому что, хоть и все остальные тоже не очень, но, уменьшив процент Единой России, мы её ослабим. А это то, что мы можем сделать с помощью этой процедуры.

Граждане считали это так: перед нами политик, который хочет перемен, современный политик с современными взглядами. Он призывает нас всех вместе навалиться на выдавшийся момент. У него есть план, а нам поучаствовать несложно.

В результате был большой успех и масштабные протесты после вынужденно сфальсифицированных выборов. Но дальше...

2012 год — ты проигнорировал выборы президента вообще, будто бы их нет.

2013 год — ты сам участвовал в выборах, был допущен, ну и тут с призывами всё понятно.

2014 год — сначала ты выдвигаешь кандидатов на выборы в Мосгордуму, они не собирают подписи. И потом ты говоришь, что выборы больше не выборы, они полностью задавлены и испорчены, по твоему мнению, нормальных кандидатов нет. Ты пишешь, что теперь мы должны стоять на позициях моральных, а не политтехнологических, и что выборы необходимо бойкотировать. Это выборы, в которых я участвовал и чуть-чуть депутатом Мосгордумы не стал.

2015 год — ты устраиваешь коалицию с Михаилом Касьяновым, фотогафируешься с ним и объявляешь совместный штаб и совместную деятельность. Илья Яшин идёт от вашей коалиции и платформы на выборы депутатов в Костромскую Думу. Ваш список, под руководством Леонида Волкова, который руководит штабом, собирает там 2% голосов.

2016 год — выборы в Госдуму. Ты поругался с Касьяновым, за ПАРНАС голосовать ты не призываешь, а выдаёшь очень сложную инструкцию сторонникам: голосовать, если в округе есть хороший кандидат, и бойкотировать, если ваш голос не даст ничего, кроме «легитимности режиму», которая здесь возникает впервые в твоей риторике. Что на выборах можно дать режиму какую-то легитимность.

2017 год — муниципальные выборы в Москве. Ты их просто игнорируешь, мы с Гудковым без тебя избираем 250 депутатов.

2018 год — президентские выборы. Ты сначала сам в них участвуешь как кандидат, а когда тебя не допускают, призываешь к бойкоту, да не к простому, а к активному: чтобы люди шли наблюдателями, но при этом не голосовали. В результате даже в очень оппозиционных районах Москвы из-за призыва оппозиционерам не голосовать Владимир Путин набирает существенно больше 50% голосов, а за подсчётом там наблюдают отправленные тобой изумлённые наблюдатели, которые видят честно открываемые урны и большинство за Путина.

2019 год — ты придумываешь «Умное голосование». Теперь вместо моральных позиций твои сторонники должны занять политтехнологические и голосовать за коммунистов. Причём даже в тех ситуациях, когда в их округе есть кандидат, который им нравится. Эта тактика приносит результаты, но она полностью противоречит всему в прошлом.

2020 год. Ты призываешь игнорировать процедуру одобрения пожизненного правления Путина, где люди просто могут кинуть в урну бюллетень «против». Потом на региональных выборах ты уже не призываешь игнорировать — «Умное голосование».

2021 год — опять «Умное голосование».

2023 год — возвращаемся к идеям моральных ценностей вместо политтехнологических.

Каждый из этих совершенно разнонаправленных призывов сопровождается очень агрессивной кампанией по отношению к тем, кто усомнился в правильности выбранной тактики. Сомневающиеся объявляются предателями, негодяями, работающими на Кремль. Об этом мы поговорим чуть позже, во второй части.

Ну так спрашивается: как при такой непоследовательности можно стать объединяющим значительное количество людей политическим лидером? Никак ведь нельзя. Людям, чтобы тебя поддерживать, нужно понимать, что ты призываешь их к действию, тщательно всё обдумав и пропустив через себя имеющуюся информацию. И при этом что ты сам стоишь на твёрдом фундаменте принципов.

Во многих из этих случаев ты ещё и выдаёшь самосбывающиеся пророчества, типа того, что «всё равно выборы не выиграть, мы все это понимаем, поэтому надо, например, не голосовать».

При этом ты забываешь, что ты сам политический актер и воспринимаешься одним из главных оппозиционных спикеров. И когда ты выходишь и говоришь: «Выборы точно выиграет Путин», — это снимает с системы почти всё напряжение, и вероятность Путина легко их выиграть резко повышается.

Мы с тобой имели этот разговор в 2013-м. Ты тогда на встрече с депутатами, которые твои ближайшие сторонники, говорил, что все мы знаем и понимаем, что в сентябре мэром будет Собянин. А я как депутат от этого офигевал: ещё кампания-то не началась, а ты уже сдаёшься. Волков в начале кампании говорил, что двузначный результат — это уже успех. И всё это приводило к тому, что штаб даже не думал проводить массовую кампанию с массовой агитацией и

идти на победу. Тогда с этой идеей ходил только я и вас всех убеждал. И убедил, и мы пошли на победу, устроили массовую кампанию и не дотянули совсем чуть-чуть.

Иногда кажется, что тактические призывы к действиям у тебя формируются не на основе ценностного фундамента, а на основе желания не ошибиться и не проиграть. Типа мы участвуем, когда можем победить, но так как победить мы никогда не можем — мы не участвуем. Когда можем, тогда политтехнологические соображения у нас во главе, а когда ты по какой-то причине решил, что не можем, — тогда вдруг появляются моральные.

Но так не бывает. Моральные ценности не могут откладываться в чулан и появляться обратно тогда, когда нам это выгодно. Их нельзя раз в несколько лет просто вынимать из тёмного угла, а потом засовывать обратно и клеймить мурзилками всех, кто не хочет голосовать за коммунистов. А потом вдруг вынимать опять и клеймить уже тех, кто хочет. Люди ведь это всё чувствуют, понимают.

Я всё это говорю совсем не для того, чтобы убедить твоих сторонников больше не быть твоими сторонниками. В этом ролике я мало говорю о твоих достоинствах — об этом у меня недавно выходило несколько других. Но личное мужество, которое ты проявлял, умение формулировать мысли, фандрайзинг и очень успешное НКО, которое ты создал, сделали из тебя важного политического актора — несмотря на сказанное мной выше.

Я пишу тут критику потому, что ты попросил её высказать, и потому, что я думаю, что российская политика сейчас нуждается в том, чтобы ты был в своей лучшей форме и выдавал лучшие возможные месседжи. Путин сейчас убивает людей тысячами в день, а у тебя в российской политике уникальное место, и твои адекватные действия могли бы приблизить окончание его правления.

Ты обладаешь большой силой, но существует она только тогда, когда верно используется. Например, представь, что твоё видео про дворец, которое посмотрело 127 миллионов человек, вышло бы не тогда, когда ты попал в тюрьму, а перед голосованием об обнулении путинских сроков президентства. И в этом видео ты бы призвал не дать Путину править вечно, прийти и проголосовать «нет», а потом собраться всем на площадях городов и защитить результат. Как ты думаешь, был бы тогда шанс его сшибить? Я думаю, что был бы — и ещё какой. Но ты был в плохой форме, ты об этом не думал. Ты думал,

что всё потеряно и всё бесполезно, и призвал бойкотировать. И шанс был упущен.

Но теперь перейдём ко второй главной моей линии критики твоей деятельности за эти годы и сейчас — к разъединяющей риторике.

Когда мы с тобой познакомились, ты был объединяющим политическим лидером. Ты мог говорить с кем угодно. Мы с Варламовым позвали тебя тогда на открытие урбанистической выставки, и ты там вполне адекватно общался с московскими чиновниками. Ты входил в совет директоров Аэрофлота. Ты был авторитетом для самых разных групп в оппозиции. Когда избрали Координационный совет, тебя сделали председателем на первом заседании почти единогласно, а все мои попытки выдвинуть альтернативную кандидатуру — просто чтобы у нас не было выборов из одного человека — приводили к тому, что люди брали самоотводы. Все хотели показать своё хорошее отношение к тебе.

Ты дружил с Ксенией Собчак, с Ильёй Варламовым, общался с Дмитрием Гудковым и Борисом Немцовым, с Сергеем Пархоменко и Алексеем Венедиктовым.

Но всё изменилось в 2013-м, и при этом моменте я тоже присутствовал. Ты сказал, что теперь, когда мы явно занимаем второе место на выборах мэра Москвы, в России есть только два политика — Навальный и Путин. И те, кто не за Навального, — те за Путина.

А кому что-то не нравится, кто имеет вопросы или претензии — тех мы игнорируем. Мы плывём, ты тогда говорил, на большом белом корабле вперёд, а что там внизу кто-то бухтит, это пофиг. Такой был посыл.

С этого момента все, кто не присягнул тебе однозначно на верность, стали тебе врагами, которые ещё хуже, чем единоссы. Первым таким человеком сразу после выборов, после того как разошлись наши команды, стал я. Ты зачем-то стал убеждать людей, что я работаю на мэрию Москвы, хотя ты знал, что это неправда. Долгие годы и даже до сих пор ты вбрасываешь эту идею в надежде, что люди перестанут меня слушать и я исчезну с политической сцены.

Но был не только я. Ты поругался или обидел практически всех лидеров мнений в российской политике. Ходорковский, Венедиктов, Собчак, я, Азар, Явлинский, Шлосберг, Варламов, Плющев, Каспаров, Слепаков — ну просто кого ни назови, ты или твоя команда с ними поругались или их обидели. Практически любое

медиа если назвать — то же самое будет. В последнее время это перешло все границы — тебе даже Кирилл Мартынов, глава «Новой Газеты Европа», врагом стал. С чего вдруг? Твоя риторика разъединяющая. Ты требуешь от сторонников принять концепцию «кто не с нами, тот против нас». Кто имеет не то мнение про что-нибудь — тот предатель, гад и непорядочный человек. Каждая твоя публичная коммуникация — это разбивание широкого объединения людей вокруг антивоенной идеи, которое давно назрело.

Невозможно делать политику в одиночестве, в коалиции только с преданными сторонниками, все из которых получают у тебя зарплату и зависят от тебя финансово, и воевать при этом во все стороны — вообще все у вас враги, одни вы хорошие.

У такой стратегии есть только один исход — текущее состояние партии Яблоко. Когда ты во всём прав, отлично знаешь, что не так было сделано в 90-е — они это на каждом политсовете разбирают, — стоишь такой один в белом пальто, но поддерживает тебя один процент общества, в основном состоящий из людей, делающих это по старой памяти. Но для перемен нужно намного больше, чем один процент. Невозможно со всеми всегда ругаться. Нужно находить точки соприкосновения.

Когда началась война, и я, и все остальные в российской оппозиции ждали от тебя смены риторики. Что ты вновь займёшь объединительную позицию. Что мы сформируем координационный совет или ещё какой-то орган, там все будем заседать, обсуждать разные мнения, приходить примерно к общему знаменателю и транслировать консолидированную позицию антивоенной части российского общества как для россиян, так и для властей других стран.

Что таким образом мы обретём политическую субъектность и будем, как это делает Светлана Тихановская в Беларуси, голосом той части общества, которая нас поддерживает. Что мы займёмся помощью нашим согражданам, подвергающимся преследованию за свои взгляды, тем, кто пострадал иным образом. Будем выдавать российскому обществу адекватную консолидированную альтернативную позицию. Будем спорить с властью, используя те инструменты, которые у нас есть. Убеждать россиян сопротивляться в те моменты, когда это можно сделать безопасно.

Так мы нарастили бы своё влияние и смогли бы вмешаться в ситуацию, когда выдался бы такой шанс.

Что у нас вместо этого? Твоя команда делает расследования, которые мало что нового открывают, и прыгает на всех вокруг, ни с кем не коммуницирует, да ещё и теперь всех во враги ты записал. Ну, давай поговорим про 90-е, про Чубайса и как нам не повторить ошибок, забором наконец вражину Кирилла Мартынова и убедим кого-нибудь в том, что Кац и Венедиктов работают на Кремль. Так победим.

Мне кажется, что тебе нужно изменить стратегию. Не знаю, доносят ли до тебя информацию о современном положении твоих медиаресурсов, но лидерские позиции твоя команда уже утратила. У Ходорковский LIVE, например, больше просмотров в месяц, чем у «Популярной политики». Твоё обращение на твоём основном канале, где были когда-то десятки миллионов просмотров — так вот, оно за день набрало примерно столько же просмотров, сколько стандартное видео «Живого гвоздя». А опросы доверия Лентача хоть и продолжают показывать высокое доверие к тебе, но показывают минимальный уровень поддержки твоей команды и доверия к ней. Весь тот авторитет, который ты с таким трудом набирал, испаряется, и это ни для кого не хорошо.

Наверное, с этим, в частности, связано нежелание верить в то, что эти агрессивные тексты пишешь ты сам. У меня действительно плохо укладывается в голове, как ты в своей речи в последнем слове в суде говоришь, что не хочешь разжигать ненависть к судьям, прокурорам и конвоирам, которые выносят тебе несправедливые приговоры и исполняют их, — а потом в посте про ненависть к 90-м говоришь, что ты искренне ненавидишь Мартынова, Венедиктова, Чубайса и меня.

Непонятно мне, как ты после всего, что с тобой произошло, находясь в тюрьме, вместо объединяющих месседжей, призывающих к сопротивлению, ведёшь оттуда тред в Твиттер — разборку с Ходорковским из-за какого-то его сотрудника.

Ты нужен сейчас и российской оппозиции, и российской политике, и российскому народу. Ты нужен как объединяющий лидер, а не как склочник. От тебя нужны призывы к объединению против общего врага и к сопротивлению ему, а не мелочные разборки с другими оппозиционерами.

Соберись.

Максим Кац